

Принципиальное значение для решения уголовно-процессуальных вопросов состоит в правильном определении понятия доказательств. Точность в определении ключевого понятия доказательств является ориентиром в решении вопросов о том, какие материальные объекты и фактические данные могут являться доказательствами по уголовному делу, как осуществлять их поиск, обнаружение, фиксацию и изъятие.

Статья 88 УПК Республики Беларусь совершенно определенно закрепила в ч. 1 понятие доказательств, а в ч. 2 – перечень их источников, по сути, не давая простора для вольного толкования определения доказательства.

Каждое доказательство по уголовному делу должно обладать свойствами допустимости, относимости, единства содержания и формы.

В уголовно-процессуальной теории и практике существуют различные подходы в классификации доказательств. Так, одни считают, что доказательства различны по своему происхождению, имеют различную структуру и неодинаковые функции в процессе доказывания, поэтому охватить все эти признаки какой-либо системной классификации с одним основанием невозможно.

Существование фактических данных возможно только через их материальные носители. В силу данного обстоятельства законодатель устанавливает, что фактические данные определяются посредством источников доказательств. К их числу закон (ч. 2 ст. 88 УПК) относит показания подозреваемого, обвиняемого (ст. 91–92 УПК); потерпевшего, свидетеля (ст. 93–94 УПК); заключение эксперта (ст. 95 УПК); вещественные доказательства (ст. 96 УПК); протоколы следственных действий, судебного заседания и оперативно-розыскных мероприятий (ст. 99 УПК), а также иные документы и другие носители информации, полученные в порядке, предусмотренном данным кодексом.

Фактические данные, полученные вне этого перечня, не могут быть доказательствами, так как одним из критериев доказательственного значения того или иного факта является установленный законом его источник.

М.М. Якубель, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОСУДЕБНОГО ЭТАПА ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА, ВЕДУЩЕГОСЯ В ОТНОШЕНИИ ПСИХИЧЕСКИ НЕПОЛНОЦЕННЫХ ЛИЦ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

С принятием ныне действующих уголовно-процессуальных кодексов в 1999 г. Республикой Беларусь и в 2001 г. Российской Федерацией начался новый этап становления уголовно-процессуального законодательства этих стран. Он принес множество правовых новшеств, затронувших в том числе и нормы производства по уголовным делам, ведущимся в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями.

Отечественный правовой акт, существенно расширив положения ранее действовавшего УПК БССР 1960 г., предложил ряд концептуальных моментов: структурно все нормы, регламентирующие порядок рассматриваемого производства, сведены в одну гл. 46; сами применяемые меры переименованы законодателем из «принудительных мер медицинского характера» в «принудительные меры безопасности и лечения», что подчеркнуло общественную опасность лица как основание для назначения таких мер; субъекты, в отношении которых может быть начато указанное производство, объединены в понятие, обозначающем отдельного участника уголовного процесса – «лицо, совершившее общественно опасное деяние» и др. Наряду с положительными моментами, нашедшими отражение в действующем законе, многие фундаментальные вопросы не получили освещения, о чем свидетельствуют сложности, возникающие при реализации положений названного института.

Научная проработка отдельных вопросов анализируемой тематики, нашедшая отражение в работах белорусских ученых С.В. Борико, И.В. Данько, Л.И. Кукреш, В.В. Мелешко, Л.И. Родевич, М.А. Шостака и др., показала, что требуют совершенствования такие значимые аспекты, как закрепление процессуального статуса лица, совершившего общественно опасное деяние, его защитника и законного представителя, определение фактического момента начала рассматриваемого производства и формы его юридической фиксации, возможность применения к психически неполноценному субъекту мер пресечения и ряд других положений. Как справедливо отметила Л.И. Кукреш, не может быть нормальным положение в праве, согласно которому участвующий в уголовном деле субъект, по поводу действий которого ведется производство по уголовному делу, не имеет названия, определения, не наделяется правами.

Таким образом, содержание исследований названных авторов во многом обусловлено необходимостью повышения уровня защищенности личности, вовлеченной в сферу уголовного судопроизводства, путем совершенствования института процессуальных гарантий прав лиц, нуждающихся в применении принудительных мер безопасности и лечения, конкретизации процессуального порядка производства, устранения ряда имеющихся в законодательстве правовых пробелов и несоответствий между существующими нормами.

УПК Российской Федерации, вступивший в силу в 2002 г., также закрепил нормы, регулирующие «особое» производство в рамках отдельной гл. 51, предусмотрел специальный предмет доказывания по таким делам, регламентировал обязательное участие защитника психически неполноценного лица (с момента вынесения постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы) и его законного представителя. Как достижение российского процессуального закона можно отметить фиксацию в рассматриваемой главе перечня прав законного представителя такого лица, но при этом остальные из приведенных выше вопросов, не урегулированных

национальным законодательством, остались неразрешенными и в России. В сфере научной разработки интерес к обозначенной теме проявили Л.Г. Татьяна, М.Ш. Буфетова, В.Ш. Гасанова, Ж.А. Бажукова, А.И. Говрунова и др. Перечисленные авторы в своих исследованиях пришли к единому мнению о том, что психически больное лицо является участником уголовного процесса и следовательно ему должен быть присущ процессуальный статус. Индивидуально решаются учеными лишь вопросы об объеме прав и обязанностей такого лица, порядке производства следственных и иных процессуальных действий с его участием, целесообразности изменения общих условий предварительного расследования применительно к правоотношениям, возникающим в ходе рассматриваемого производства.

Недостатки существующей регламентации, выявленные в ходе практической деятельности и детализированные активной теоретической проработкой проблемы процессуального положения психически больного субъекта, привели к тому, что необходимость совершенствования производства была осознана на законодательном уровне. Так, в соответствии с постановлением Конституционного суда РФ от 20 ноября 2007 г. № 13-П, отдельные статьи УПК признаны не соответствующими Конституции РФ в той части, в которой они «по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, не позволяют лицам, в отношении которых осуществляется производство о применении принудительных мер медицинского характера, лично знакомиться с материалами уголовного дела, участвовать в судебном заседании при его рассмотрении, заявлять ходатайства, инициировать рассмотрение вопроса об изменении и прекращении применения указанных мер и обжаловать принятые по делу процессуальные решения», а согласно ч. 3 ст. 79 федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу. Таким образом, несмотря на то что перечень прав психически больного лица еще не получил закрепления в отдельной норме УПК РФ, должностное лицо, осуществляющее расследование по делу, уже не вправе отказать участнику процесса в реализации указанных правомочий.

В заключение необходимо отметить, что, невзирая на отличия в законодательной регламентации, анализ юридических и научных достижений в области досудебного этапа рассматриваемого производства позволяет выявить общность правовых тенденций, формируемых российскими и белорусскими учеными. Основные их положения сводятся к необходимости реализации конституционных прав и свобод личности независимо от состояния ее психического здоровья. В уголовно-процессуальном смысле это выражается в признании лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер безопасности и лечения (в РФ – производство о применении принудительных мер медицинского характера), участником процессуальных отношений, в законодательном закреплении его статуса и создании в рамках анализируемого производства комплексной системы мер, призванных способствовать реализации концепции правового государства в Республике Беларусь и в Российской Федерации.